

СОЧИНЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК КОММЕНТАРИЙ К НОВЕЛЛЕ Я. КРОССА
«ИММАТРИКУЛЯЦИЯ МИХЕЛЬСОНА»*

ТИМУР ГУЗАИРОВ

Новелла Яана Кросса «Имматрикуляция Михельсона» была написана в 1970 г. и включена в сборник «На глазах у Клио» (“Klio silma all”), вышедший в 1972 г. Кроме одной новеллы («История двух утраченных записок») три остальные составляют единое смысловое поле. Автор выстраивает и анализирует конфликтную ситуацию из жизни достигшего успеха представителя эстонского народа.

Кросс исследует соотношение «идеализма» и практицизма, границы внутреннего компромисса с властью, компромисса между честью и долгом, невозможность придерживаться единой, неизменной нравственной нормы. В каждой новелле переосмысливается этот главный этический конфликт. Кросс обнаруживает многообразие смыслов, ставя различных героев, из разного времени, в различные ситуации этически неоднозначного выбора и одновременно создавая полифоническую композицию из монологов героев.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть идейную структуру «Имматрикуляции Михельсона» с новой, интертекстуальной точки зрения¹ — через выявление и интерпретацию в кроссовской новелле кода русской литературы.

* Статья написана в рамках темы целевого финансирования TFLGR 0469.

¹ Касаясь новеллы «Имматрикуляция Михельсона», критики затрагивают общий смысловый пласт текста, проблематику и основные сюжетные ходы (см., напр., статьи: *Kaplinski, J.* “Jaan Krossi teine tulemine”; *Ivask, I.* “Jaan Kross: Eesti kultuuriruumi kroonik ehk Mitmerõllupidaja Klio silma all” [Metamorfiline Kross]). С литера-

Герой новеллы — Иоханнес/Иоахан фон Михельсон, или Иван Иванович Михельсон — генерал-майор, происходивший (по замыслу Кросса) из эстонской крестьянской семьи, сделавший блестящую военную карьеру, началом которой послужило усмирение пугачевского бунта. Михельсон, бывший слуга остзейского барона Иоахима фон Розена, едет вместе со своим денщиком-эстонцем и родителями — эстонскими крестьянами — в Ревель по случаю личной имматрикуляции, т.е. внесения своего имени в родословную книгу эстляндского потомственного дворянства. Размышления героев об этом событии, а также о личности и поступках Михельсона образуют сюжетную фактуру произведения.

Главный нравственный конфликт новеллы выражен в материнских вопросах:

<...> как же это было все-таки с великой победой моего Юхана над этим самым окаянным Разбойником? <...> Не стоял ли мой Юхан, который на этой войне победу для господ выиграл, не стоял он в этой войне на чужой стороне? <...> что случилось бы, ежели взаправду до этого дошло, и ежели бы государыня послала сюда нашего Юхана народное вознегодование душишь? <...> Но ответь мне по чистой совести: на чистом ли подножье ты стоишь в своей жизни и твоих делах, и на правильном месте? [Имматрикуляция: 132–134].

Дихотомия между нравственным долгом и военной честью, размышления о том, как (и возможно ли) исполнить долг, сохранив личное достоинство и уважение в собственных и чужих глазах, не отказавшись от своих корней — эта проблематика формирует идейную структуру новеллы.

Во вступлении к новелле Кросс указывает источник, откуда он почерпнул сведения об имматрикуляции Михельсона. Это примечание Фридриха Руссова к фельетону, напечатанному в “Revalsche Zeitung”. К этим сведениям Кросс добавляет свои, создающие конфликт, детали. Так, Михельсон привез на церемонию имматрикуляции в Ревель своих родителей, эстон-

туроведческой точки зрения новелла, насколько нам известно, не анализировалась.

ских крестьян. Повествование заканчивается «Пояснениями для тех, кому комментарий доставляет особое удовольствие».

В первой части комментария дается перевод иноязычных выражений, поясняются исторические факты, местные топонимы, характеризуются исторические деятели; вторая часть содержит краткое упоминание о пушкинской «Истории Пугачевского бунта», сведения о графе Карле Толе и его письме Пушкину, в заключение приводится письмо Пушкина к Толю, написанное накануне дуэли. Последняя дата в тексте Кросса — «26 января 1837». Эти сведения формируют историко-литературный код, с помощью которого читателю предлагается осмыслить сюжет и проблематику новеллы.

В других сочинениях Я. Кросс также использовал тексты русской литературы в функции кода, указывающего на дополнительные смысловые обертоны. Приведем два примера. Первый — из романа «Уход профессора Мартенса». Мартенс, знаменитый юрист и специалист по международному праву, сидя в приемной канцлера Александра Михайловича Горчакова, вспоминает послание Пушкина Горчакову. Далее Кросс цитирует стихотворение, которое формирует мнение Мартенса (и читателя) о личности канцлера. Второй пример — из новеллы «История двух утраченных записок». Студент Крейцвальд, начавший собирать истории об эстонском народном герое Калевипоэге, приезжает в Санкт-Петербург, кладет свои записки в корзину, которая исчезает во время наводнения 6 ноября 1824 г. Не исторические документы, а отрывок из «Медного всадника» иллюстрирует известное бедствие. Пушкинский текст является для Кросса источником информации, пушкинская точка зрения служит авторитетной призмой, сквозь которую оценивается исторический факт или персонаж.

В «Пояснениях для тех, кому комментарий доставляет особое удовольствие» Кросс указал на источник новеллы «Имматрикуляция Михельсона»: «Здесь, думается, самое подходящее место, чтобы познакомить читателя с одним не упомянутым документом, касающимся главного действующего лица. Как известно, “История Пугачевского бунта” А. С. Пушкина появилась в 1834 году». Автор, таким образом, провоциру-

ет любознательного читателя обратиться к пушкинскому сочинению — к соотнесению двух текстов и взглядов на личность Михельсона. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что об имматрикуляции генерал-майора упоминается в авторском предисловии, до начала повествования. «История Пугачевского бунта» и примечание Фридриха Руссова к фельетону из “Revalsche Zeitung” являются равноправными историческими источниками, однако пушкинский текст оказывается включенным в новеллу.

Я. Кросс приводит ряд фактов, отсылающих читателя к «Истории Пугачевского бунта». В новелле упоминаются генерал Бибииков и граф Панин, даются размышления о военной тактике, воспоминания о военных походах или событиях (подчинение корпуса Михельсона Суворову). Важное, с идейной точки зрения, место в новелле — это художественный (в виде монолога героя) пересказ пушкинской апологии Михельсона:

Текст Кросса:

Облака, как густой клубящийся дым артиллерийской стрельбы. <...>. Прямо как пожар в Казани... Как в тот раз, когда они сказали, что я намеренно дал Пугачеву время полностью разграбить город, чтобы большей была добыча, которую я заграбастаю у него... Образ мыслей лизоблюдов... [Имматрикуляция: 80].

Текст Пушкина:

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! [Пушкин: IX (1), 67].

Отсылка к пушкинскому сочинению продиктована не столько потребностью писателя создать в новелле исторически достоверный и убедительный фон. По мысли Пушкина, главная роль историка заключается в восстановлении репутации и чести героя. Это объясняет одну из особенностей композиции комментария Кросса: почему в конце новеллы перепечатано преддуальное письмо Пушкина к Толю. Пушкин — безусловный авторитет в законах чести, который выступил против клеветы

и оскорблений, исходящих от иностранца. В приведенном выше отрывке Пушкин вводит ключевую для Кросса тему — противостояние человека обществу как утверждение и защита личного достоинства против «чужой» несправедливости.

Сочинения русских литераторов, преимущественно Пушкина, но также и Державина, вскрывают новые смыслы в одной из центральных сцен новеллы — встрече Михельсона и Пугачева. Упоминание об этом факте отсутствует в «Истории Пугачевского бунта». В своем тексте Пушкин сообщил с сожалением об одном недоступном ему источнике, которым Кросс мог воспользоваться. Это — «Записки Державина». В письме к Пушкину, которое эстонский писатель не приводит, граф Толь процитировал с указанием автора взятые из стихотворения «Мой истукан» слова Державина — «Заслуги в гробе созревают». Таким образом, тексты Державина, вероятно, могли находиться в поле зрения Кросса при работе над «Имматрикуляцией Михельсона». Именно «Записки Державина» подтверждают факт возможной встречи Михельсона и Пугачева:

Граф <Панин>, ничего не говоря, спросил гордо: «Видел ли <он> Пугачева?» Державин с почтением: «Видел на коне под Петровском». Граф, отворотясь к Михельсону: «Прикажи привести Емельку». Через несколько минут представлен Самозванец, в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришел, то и стал перед графом на колени. <...> Граф спросил: «Здоров ли, Емелька?» — «Ночей не сплю, все плачу, батюшка ваше графское сиятельство». — «Надейся на милосердие Государыни». — и с сим словом приказал его отвести обратно туда, где содержался [Державин: 67–68].

Автор строит ключевые эпизоды «Имматрикуляции Михельсона», отталкиваясь от документально зафиксированных фактов. Однако не державинский текст, а «История Пугачевского бунта» должна актуализироваться при упоминании Михельсоном, героем новеллы, встречи между Паниным и Пугачевым (отсылки к пушкинскому сочинению, подчеркивание в «Примечаниях» его статуса как источника информации — все это формировало и направляло читательское восприятие). Текст Пушкина:

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину <...>. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает». <...> Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч бороды [Пушкин: IX (1), 78].

Взаимное непонимание и неуважение друг к другу, агрессивное поведение Панина, направленное на унижение личного достоинства Пугачева, — основные характеристики встречи между графом и самозванцем. Особое значение, как с идейной, так и с историко-литературной точки зрения, имеет риторический аспект их диалогов. Панин выражает негодование; Пугачев теряет мужество (в державинском варианте) или дерзко отвечает, защищает себя (в пушкинской версии) [Гузаиров 2010: 142–145]. В новелле Кросса Михельсон едет в Ревель и вспоминает диалог между ним и разбойником:

Я спросил: / Емельян, ты меня знаешь? / Нет. Кто вы, ваше превосходительство? / Я — Михельсон. / Он вздрогнул. Побледнел. Опустил глаза. Он не сказал ни слова. Потом он поднял взгляд. С минуту мы смотрели друг на друга. Он не стал хвалить мою военную мудрость. Так, прямо в лицо. Как Панину он хвалил панинскую мудрость. Потому что со мной он был честен. Из уважения. Он ничего не сказал. И я молчал [Имматрикуляция: 106].

Отсутствие оскорблений, взаимное понимание и признание друг друга — эти черты присущи встрече героев в новелле. Кросс, сопрягая пушкинский текст со своим эпизодом, противопоставляет Панина и Михельсона как представителей двух типов поведения: основанного на унижении и основанного на уважении нравственного достоинства. Пушкинский Панин исполняет предписанный императрицей долг, его поступки продиктованы стремлением к славе, уважения к себе он добивается подавлением и оскорблением другого. Кроссовский Михельсон, жестокий воин, честно исполнивший данное ему приказание, однако, нуждается во внутреннем самоуважении — это диктует логику его поведения как во время описанной встречи с Пугачевым, так и во время военного противостояния:

Но (чего никто не знает), воюя против Пугачева, я стремился к тому, чтобы и он — ха-ха-ха, чтобы и он почувствовал ко мне уважение. И я не только победил его самого, но и завоевал его уважение. Это я знаю. (Признаюсь, скача во весь опор в темноте, на одно неуловимое мгновение, я вдруг почувствовал: мое уважение к самому себе было все же не таким, как я бы хотел...). Уважение Пугачева. Да. Я это знаю. <...> Если кому-нибудь, хоть кому-нибудь во всей империи есть до него дело, то это мне! И он <Пугачев> глядел на меня. <...> **Но он нисколько не был похож лицом на моего отца.** Слава Богу... [Имматрикуляция: 105–106].

Предпоследняя фраза — о Пугачеве и отце Михельсона — является отсылкой к пушкинской «Капитанской дочке» (ниже в новелле появятся и подаренная шуба, и метель — очевидные знаки первой встречи Пугачева и Гринева). По моему мнению, обращение к «Капитанской дочке» позволяет глубже рассмотреть вопрос о причине, по которой кроссовский Михельсон ищет уважения у Пугачева. Пушкинской сцене, в которой описывается дарение заячьего тулупа, предшествует сон Гринева:

Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: — Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика? [Пушкин: VIII, 289].

Благодарность к ямщику-Пугачеву и достойное поведение с самозванцем² дважды спасают: сначала самого Гринева, а затем и его невесту. Понятие о долге и чести вызывает у Пугачева уважение к Гриневу. Каждый понимает невозможность для другого следовать иной нравственной норме.

Конфликт в новелле усиливается из-за того, что Пугачев и Михельсон (как его представил Кросс) происходят из крестьянского сословия. Михельсон (в отличие от Гринева) сам ищет

² Гринева заявляет Пугачеву: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. <...> Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. <...> Моя искренность поразила Пугачева» [Пушкин: VIII, 332–333].

уважения у Пугачева, но не с целью признания побежденным его военных заслуг — а для самоуважения, душевного примирения с самим собой, для разрешения мучившего его материнского вопроса: а на правильной ли стороне он находится? Долг (присяга императрице) определил выбор, но уважение Пугачева необходимо Михельсону как доказательство понимания его «чести», обусловленности его действий (в этом потомственный дворянин Гринев не нуждается).

Остановимся на заключительном эпизоде из сцены встречи Михельсона и Пугачева:

Две «сволочи» смотрели одна другой в глаза. Долго. Так долго, что Рунич кашлянул. Рунич — потомственный дворянин и в недалеком будущем сенатор. Я отвернулся. Отошел и стал рассматривать заклепки обитых железом дверей. Я слышал, как Емелька вполголоса сказал охранникам: *Надо было попросить у него шубу. Все одно ведь он забрал их больше, чем может сносить*. Попроси он у меня прямо, я послал бы ему **шубу**. Вжиуу-вжик! Опять **метель поднялась** [Имматрикуляция: 106–107].

Этот отрывок строится на идейном сопряжении и художественном переосмыслении пушкинской ситуации из «Капитанской дочки» («Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. “<...> Дай ему мой заячий тулуп”») [Пушкин: VIII, 291]).

Взаимоотношения Гринева и Пугачева в «Капитанской дочке» строятся, как известно, на универсальных христианских законах, пушкинские герои оказываются способны следовать этой поведенческой модели, в том числе потому, что они занимают изначально «свои», правильные (единственно возможные) стороны. Кросс подчеркивает невозможность для Михельсона и Пугачева реализовать пушкинские нравственные принципы (шуба остается неподаренной). Причина — это подчинение Михельсона, крестьянина по происхождению, потомственному дворянину Руничу, это — выбор «чужой», неправильной стороны, что обуславливает срыв контакта, основанного на доверии, благодарности, понимании друг друга.

Сцене свидания с Пугачевым противопоставляются события на церемонии имматрикуляции Михельсона, которая стала, по словам героя, «сомнительным триумфом». Появление родителей Михельсона, эстонцев из низшего сословия, требование к себе и к своему отцу и матери уважения со стороны потомственного остзейского дворянства — в этом поведении заключалась месть бывшего слуги. По моему предположению, действия Михельсона у Кросса продиктованы представлениями об истинной чести дворянина.

Напомню конец последней главы из незаконченного произведения Пушкина «Гости съезжались на дачу», из рассуждений русского представителя «благородной черни» с испанским потомственным дворянином:

Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом и..., но очарование древностью, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам для нас не существует. <...> Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности [Пушкин: VIII, 42].

Пушкинский код, на мой взгляд, объясняет введение Кроссом исторически невозможного факта — присутствие на имматрикуляции родителей из низшего сословия. Автор, описывая исторически невозможную ситуацию и выделяя, тем самым, ключевое для себя понятие «уважение к своим корням», подчеркивает: Михельсон, переживавший душевные конфликты и компромиссы с самим собой, руководствуется — на протяжении всей новеллы — законами «чести», как он их понимает (хотя его поступки могут быть совершенно неприемлемы для других). Здесь возникает вопрос о функции публикации Кроссом пушкинского преддублированного письма к Толю.

Фигура графа Толя появляется в новелле однажды — на вечере по случаю имматрикуляции Михельсона:

Якоб идет впереди. Батюшка и матушка следом за ним. Я иду последним. Адьютант, поручик фон Толь, присоединяется к нам в коридоре [Имматрикуляция: 110].

Из письма Толя к Пушкину, которое Кросс не цитирует, а частично пересказывает в примечании, известно, что граф

пользовался личною доверенностию генерала Михельсона <...> он <Михельсон> в беседах своих со мною часто рассказывал мне о его действиях против Пугачева, и горько жаловался на интриги, которыми хотели затмить его службу [Пушкин: VIII, 219].

Отсутствие в новелле письма Толя к Пушкину маркировано, оно задает иной ракурс прочтения ответного письма Пушкина — не документальный, а художественный, идейно сопряженный с новеллой Кросса. Отрывок из текста Пушкина:

Не менее порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою <...>. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк письма Вашего для полного оправдания заслуженного воина [Там же: 224].

Пушкинский ответ в тексте Кросса звучит как этическая оценка, которая вплетается в полную, идеальную «Историю». Пушкин (накануне дуэли — разрешения дела чести) оказывается тем моральным авторитетом, устами которого Кросс проговаривает две важные для себя идеи. Во-первых, любой поступок, основанный на понятии «чести», достоин уважения (вне зависимости от выбора стороны — так разрешается, по моему мнению, нравственная коллизия кроссовского Михельсона). Во-вторых, задача писателя — в изображении конфликта между «своим» и «чужим» мирами, в восстановлении репутации и исторической памяти о достойной уважения личности.

Русская литература, в частности, сочинения Пушкина, была актуальна и важна для Яана Кросса с художественной и идеологической точки зрения — в том числе, как историко-литературный код, комментарий к своим текстам. Представленный в статье интертекстуальный анализ новеллы «Имматрикуляция Михельсона» позволяет сделать вывод о композиционно-идейной структуре новеллы. Авторские примечания являются неотъемлемой частью всего текста, они могут сложным способом взаимодействовать с основным сюжетным повествованием: вводить иную точку зрения, выявлять скрытый смысл тех или иных сцен, вводить новые, дополнительные

историко-культурные сюжеты (дуэль Пушкина) — все то, что присуще пушкинским примечаниям к «Истории Пугачевского бунта» [Гузаиров].

ЛИТЕРАТУРА

Державин: *Державин Г. Р.* Записки 1743–1812. Полный текст. М., 2000.

Гузаиров: *Гузаиров Т.* Комментарий к примечаниям: Четыре биографии полководцев в «Истории Пугачевского бунта» // *Pushkin Review* (готовится к печати)

Гузаиров 2010: *Гузаиров Т.* «Клок бороды»: исторические события и художественный образ в «Истории Пугачевского бунта» // *Сопатое*. Истор.-филологич. сб. в честь Л. Н. Киселевой. М., 2010.

Имматрикуляция: *Кросс Я.* На глазах у Клио / Пер. с эст. О. Самма. Таллин, 1973.

Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Metamorfiline Kross: *Metamorfiline Kross: Sissevaateid Jaan Krossi loomingusse / Koost. E. Laanes.* Tallinn, 2005.